

На что он руку поднимал...

В субботу исполняется 30 лет со дня смерти Василия Шукшина

ИГ Exlibris (прил. к Независимой) - 2004 - 30 сент. - с. 1-2.

Лев Пирогов

Знаете, что меня мучает? В школьных кабинетах литературы должны висеть пять портретов. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Шукшин. Не висят. Вот и приходится стучать головой во вроде бы открытую дверь. Куда там открытую... Из интернет-форума: «Очень уж оно... не знаю даже, как определить... народ не народ... В общем, не нравится мне эта эстетизация жлобства... Все не нравится». Не нравится – будем вдальбивать.

Тридцать лет назад Шукшин был «звездой шоу-бизнеса». Понятно, что его смерть «обставили». На то были свои причины. Снять фильм про Степана Разина (по собственному роману «Я пришел дать вам волю») Шукшин пытался на протяжении девяти лет. Смерть грянула, когда перспектива

ние Бондарчука, что Шукшина убили «эти», и так далее.

Насчет «этих» понятно. В ЦК боролись две непримиримые тенденции – «западники» и «почвенники». А Шукшин был «звездой». Его последний фильм «Калина красная» посмотрели 62,5 миллиона зрителей. Когда благодаря Бондарчуку перспектива съемок «Разина» стала реальной, Шукшина попытались скомпрометировать: в тогдашней «Литературке» была инспирирована компания травли по поводу его автобиографического рассказа «Кляуза». Не вышло – «сверху» вступились, «Калина красная» нравилась Брежневу. Перекрыть «Разина» обычным порядком не получалось. И тогда Шукшин умер.

А может, и не «эти» убили. А те, которым «не нравится». Как заметили в том же интернет-форуме, «не тянет отождествляться с героями». С джейм-сбондом тянет – а тут нет. Уж не

Шукшин в русской философской традиции – вроде Хайдеггера или Ясперса

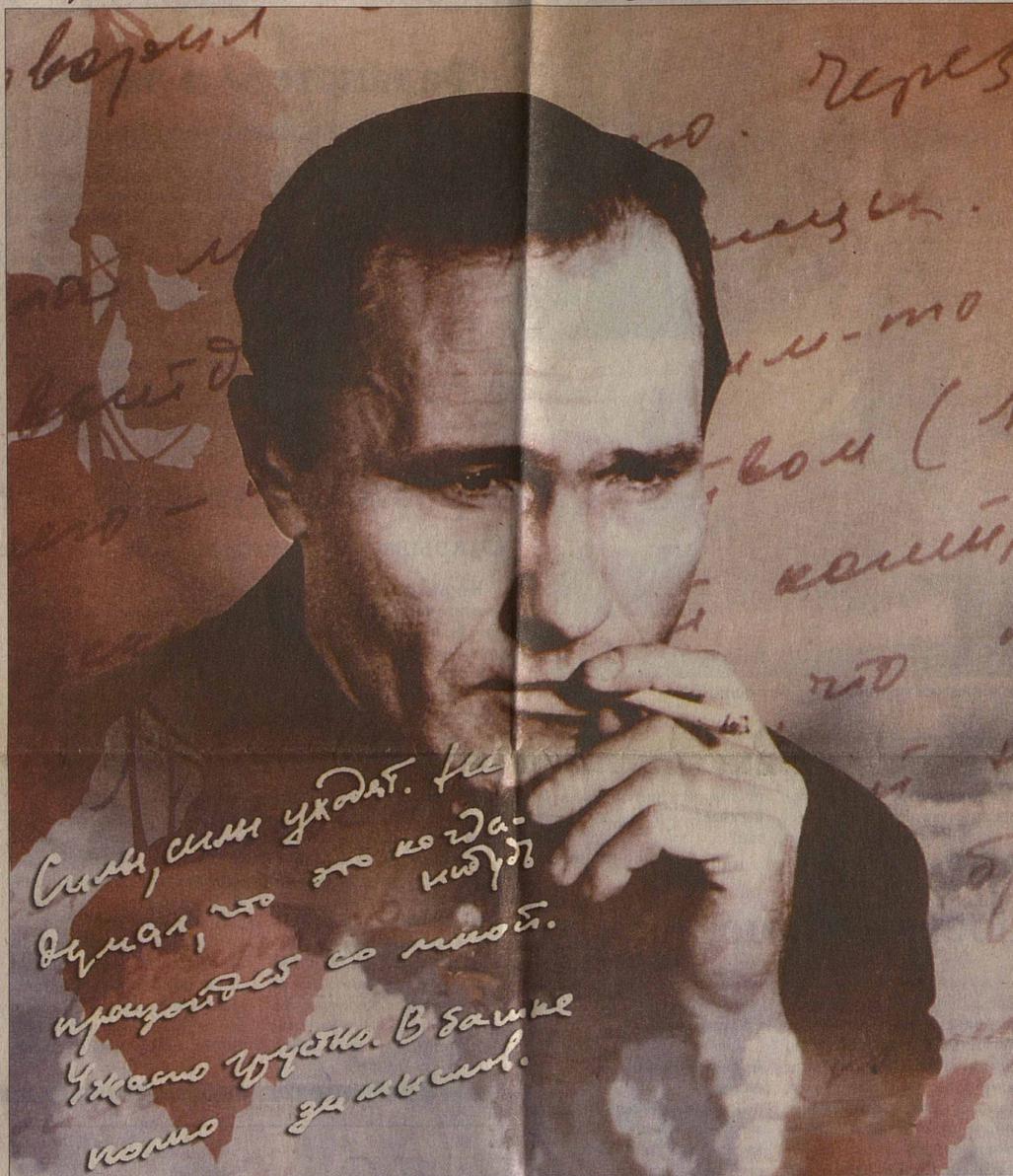
съемок стала реальной: накануне Шукшин перешел со студии Горького на «Мосфильм», где могущественный Бондарчук твердо пообещал содействовать запуску фильма в производство. Но и там тоже тинули... В день похорон снимать «запретный фильм» как ни в чем ни бывало предложили Элему Климову. Тот с негодованием отказался.

Шукшин умер во время съемок фильма «Они сражались за Родину». Вскрытие в Волгограде показало сердечную недостаточность, однако за месяц до смерти Шукшин проходил полное медицинское обследование в связи с хронической язвой желудка – кардиограммы нормальные. Близкие были встревожены (нетипичный беспорядок и запах в каюте, странное положение тела) и потребовали повторного вскрытия в Москве, но им было отказано. Это факты. Остальные – фактики и домыслы. Затворничество Буркова (последним видел Шукшина перед смертью), утверждения Федосеевой-Шукшиной, что мужа убили, пересказанное Бурляевым утвержде-

те ли самые ничтожества записывались в последнюю перепись «скифами» и «хазарами»? Тоже «не тянет отождествляться»...

В России не было философии в западноевропейском смысле. Задачу метафизического осмысления действительности выполняла литература. Шукшин – метафизик. Предмет его творчества – национальный характер, через который постигается философия русской истории, ее «смысл и предназначение». Но инструментом литературного художественного исследования является не абстрактное понятие, а конкретный образ, поэтому путь к философии истории лежит здесь через «философию существования», философию человека. Поэтому Шукшин в русской литературно-философской традиции – вроде Хайдеггера или Ясперса.

На рубеже 50–60-х годов, когда Шукшин начинал работать, актуальным методом философии человека был экзистенциализм. Фильм «Живет такой паренек» легко сравнить с фильмами Годара и Вендерса. Как экзис-

«Всю жизнь мою несу родину в душе, люблю ее, жив ею, она придает мне силы, когда случается трудно и горько. И когда буду помирать, если буду в сознании, в последний момент успею подумать о матери, о детях и о родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет».

Коллаж В. Уманца

теницист, Шукшин изучал национальный характер в «порочной ситуации», знаменитой положительного героя, характерного для беллетристики. Предмет его творчества – не национальный тип, а национальный характер и национальная судьба – «волна», а не «частичка». Чтобы отождествиться с целым народом, нужно обладать некоторыми духовными качествами, а именно – чувством сопричастности к отечественной истории,

Во-первых, потому что у Шукшина нет индивидуального положительного героя, характерного для беллетристики. Предмет его творчества – не национальный тип, а национальный характер и национальная судьба – «волна», а не «частичка». Чтобы отождествиться с целым народом, нужно обладать некоторыми духовными качествами, а именно – чувством сопричастности к отечественной истории,

культуре и ценностям. Персональных эмоций тут недостаточно.

Во-вторых, экзистенциальный метод предполагает испытание стыдом (вспомним хотя бы героев Сартра). Шукшин увлекает в это испытание зрителя и читателя. Кульминация характера, момент наибольшей полноты образа, наиболее полного выражения личности – совпадает со «стыдной» ситуа-

цией. Рассказ «Сураз» – очень яркий пример. Или пресловутые объятия Егора Прокудина с березками. На самом деле стыдно не герою, а нам. Стыдно, если мы не участвуем, а подглядываем со стороны, оставаясь чужими. Наедине с собой целовать березки не стыдно. И чужие мы, повторяю, не автору, не персонажу, а стоящей за ними Родине...
Это вот его и убило.

«Самая загадочная личность в истории...»

Писатели и кинематографисты – о Василии Шукшине

Шукшин не сказал последнее слово в кино, не успел снять главный фильм своей жизни – ему не дали. Почему? На этот вопрос отвечают сегодня писатели Алексей Варламов и Олег Павлов. Уникальные высказывания патриархов отечественного кинематографа о том, что успел сделать Василий Макарович, были сделаны в разные годы. Их собрал и предоставил для публикации в «ИГ-ЕЛ» киновед, сценарист и директор Музея киностудии им. Горького Марк Волоцкий.

Олег Павлов, писатель

Шукшин был «опасен». Именно в нем могло произойти превращение художника в вождя открытого крестьянского сопротивления. Не случайно, когда Шукшин искал национального героя, которым оказался для него Разин, он сознательно ставил

на это разинское место СЕБЯ. Оно было предназначено для него судьбой. Своей психологией, своим мировоззрением он встал в своего бунтующего героя. Только это была война без армий и сражений. Это был трагический поединок со временем, порождением которого во многом был сам Шукшин, в туниках которого он блуждал, запрятывая в своих праведниках и дурчачках Россию, а в разбойниках – свою же страдающую душу. Это не было борьбой за свободу: боролись за правду, требовали правды, взывали к правде, а это значило «жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду». Так писал Шукшин. По сути, все, кто взывал к этой правде, столкнулись с неспособностью своего народа преобразить жизнь или даже восстать. Народ бездействует, но поэту сохранять себя, а в кон-

це-то концов, сберегает жизнь. И оказывалось, что правда – это против людей бунт. То есть против человеческой жизни бунт. Это метафизическое разрушение реальности, которое приво-

тельно, как ему в условиях советской цензуры удалось выразить суть народного миропонимания, стяжать при жизни все возможные награды и почести, ни в чем не слухавив и не пойдя

Роммунистическая власть не уничтожила Россию – вот главный вывод из шукшинского творчества

Алексей Варламов, писатель

Шукшин, на мой взгляд, едва ли не самая загадочная личность в истории послевоенной советской литературы. Порази-

ни на какой компромисс. Это была абсолютная победа – с волевой личностью так ничего сделать и не смогли. Коммунистическая власть не уничтожила Россию – вот, если угодно, главный вывод из шукшинского творчества. Русский народ, соблазненный эгалитарными и апокалиптическими идеями, су-

мел переболеть этими недугами, освободиться от них (увы, кажется, только на время) и устремился... К чему?
Я бы хотел сказать – к нормальной, ладной жизни

стране пошло своим чередом, пока «проклятые» демократы власть не перехватили и не загубили великую державу. Но что-то здесь не сходится, и опять-таки именно Шукшин без лишнего политического пафоса и интеллигентских воплей это разглядел и показал. Сколько горьких судеб, сколько страдания и без вины виноватых людей появятся на страницах его рассказов и каким обвинительным актом звучат их голоса! Эта непреднамеренная «критика режима» разительнее протестов тех, кто писал об этом на Западе. Непредвзятость суждений, бесхитрость персонажей и отказ от грубой пародии трогают больше, чем нагнетание страстей и построение философских концепций, как у иных из современников Шукшина вроде Зиновьева или Синявского.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

ПЯТЬ КНИГ НЕДЕЛИ

Владимир Козлов. Варшава: Роман.
– М.: Ad Marginem, 2004, 240 с.
ISBN 5-93321-094-3
Новый роман Владимира Козлова, автора «Гопников» и «Школы». В каком-то смысле продолжение. Можно было бы назвать книжку «Институт». Хотя какой там институт – сплошное «новое время»! Торговля «стикерами» (герои тоже хотят жить), баксы, «Ласковый май», лекции по культурологии, метро уже называется «Китай-город», спирт «Royal» («Рояль» то есть, кто его сейчас помнит-то?), Россия, Белоруссия...

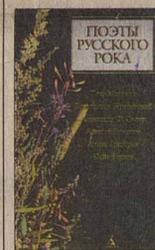
Самые трагические строки, разумеется, про «Рояль». Ну и про студенческую любовь тоже: «От пота тушь на Светкиных ресницах растеклась. Она целует Антона в губы, меня – в щеку. Я отрываюсь от них, падаю на траву, смотрю на первые звезды...»

Станислав Рассадин. Книга прощаний: Воспоминания о друзьях и не только.
– М.: Текст, 2004, 429 с. ISBN 5-7516-0428-8
Серьезный человек, критик и писатель Рассадин написал книжку в жанре, который условно можно назвать «веселое литературоведение». То есть байки, шутки и разговоры на литературные и околотрагические темы. В качестве аналога можно привести блестящий сборник «Перестаньте удивляться!» Бенедикта Сарнова.

Полудокументальные воспоминания Рассадина и анекдоты Сарнова отражают писательский быт и историю советской литературы точнее, чем десяток серьезных критических книг. Впрочем, у Рассадина пиришество юмора и описание монструозных писательских нравов приправлено цветной грустью. Ведь большинства его персонажей уже нету на этом свете. Галич, Глазков, Окуджава...

В грустных и одновременно смешных историях прекрасно все. Но особенно хороши, конечно, цитаты. Например, из Глазкова: «За то, что Глазков / Ни на что не годен, / Кроме стихов, – / Ему надо дать орден».

Поэты русского рока: П.Мамонов, К.Никольский, А.Ф.Скляр, Ал.Романов, А.Григорян, Н.Борзов.
– СПб.: Азбука-классика, 2004, 416 с.
ISBN 5-352-00997-1

Первый том десятитомной антологии. Тексты песен. Классика русского рока. От «Буылки водки» Петра Мамонова («Когда ты пустела, летела под стол / Я рядом ложился на грязный пол. / Пустую тебя всегда предавал, / Пустую тебя на деньги менял...») до «Безобразной Эльзы» Армена Григоряна (лидер группы «Крематорий»). В первом томе (нумерации, кстати, нет, отчасти, возможно, и из-за того, что это скорее серия, а не многотомник) вошли тексты рокеров-москвичей. Второй (тоже уже вышел) посвящен ленинградцам: Гребенщикову, Анатолию Гуницкому, Андрею Романову, Максиму Леонидову и пр. «Традиционно считается, – написано в предисловии, – что Москва не породила собственной «рок-школы» – ни в поэтическом, ни в музыкальном аспекте... Все шестеро авторов, представленных в этом томе, – москвичи. Но общие их черты этим же фактом и исчерпываются». И все-таки «Поэты русского рока» начинаются именно с московских музыкантов. Разнообразие и непохожесть – тоже качества неплохие, не правда ли?

Хакани. Дворцы Мадаина / Пер. с фарси М.Синельникова.
– М.: Наталис, 2004, 544 с. (Восточная коллекция). ISBN 5-8062-0173-2

Афзалдин Бади ибн Али Хакани Ширавани (1120–1199) – поэт средневекового Азербайджана, «орудийный мастер» поэзии, как называл его Мандельштам. Сын столяра, придворный поэт шираваншаха.

Много путешествовал, попал в опалу, пытался бежать из столицы, был пойман, угодил в темницу, где пробыл полтора года («Я – малая птица, притихшая в клетке, / Голодный и загнанный ямуравей. / Поднимет ли войско усталая птица, / И что муравьиного строя слабей?.. / Мне врезались в ноги железные цепи, / Впились, будто пасти чудовищных змей. / Воззались, держа меня мертвою хваткой... / На голених – оттиск беззубых пастей»). В конце жизни, после смерти жены, двух детей и двоюродного дяди, бросил писать. Умер отшельником.

В книгу вошли газели, рубаи, касыды, кыта, автобиографические стихи и поэма «Дар двух Ираков». Плюс небольшое вступление переводчика (М.Синельникова), предисловие М.Н. Османова, подробные примечания.

Татьяна Щепанская. Система: тексты и традиции субкультуры.

– М.: О.Г.И. 2004, 286 с. ISBN 5-94282-108-9
Даже если экспедицию на Самоа, в Австралию или, на худой конец, на Чукотку финансировать некому, этнограф может найти экзотическое сообщество, скрепленное преимущественно общей символикой и ритуалами, у себя на родине. Новое исследование Татьяны Щепанской, продолжающее тематику ее же книги «Символика молодежной субкультуры» (1993) – как раз такая попытка применить теории классиков этнографии и антропологии к современному отечественному материалу.

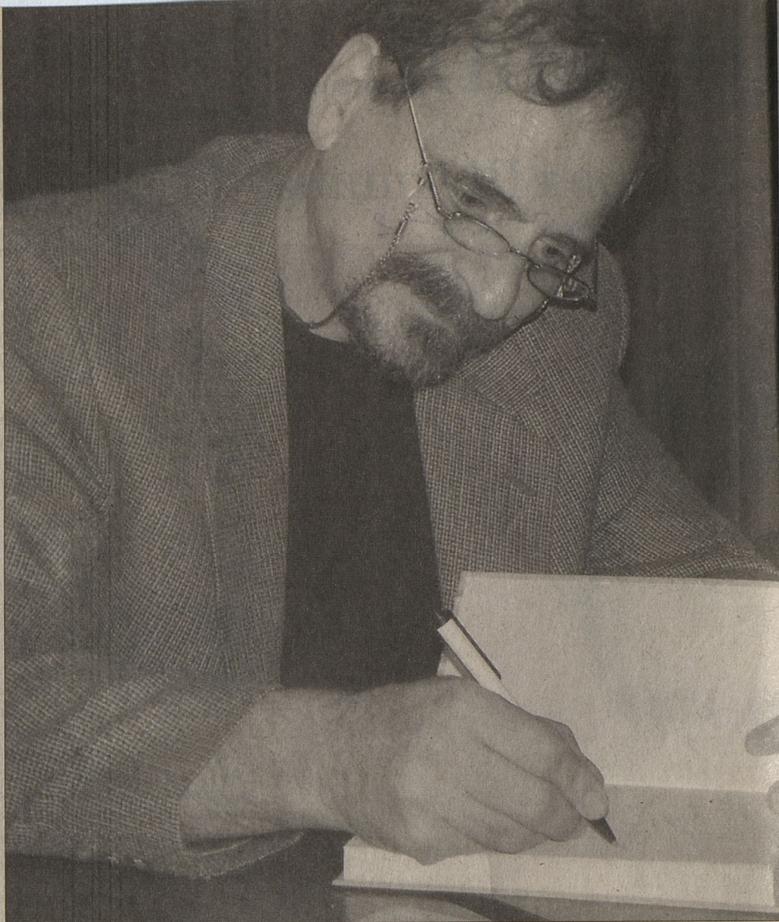
Субкультура хиппи, так называемая Система, которой посвящена книга, – идеальный объект для такого изучения. Здесь можно найти все, о чем написано у корифеев: символическое оформление общности, ритуалы посвящения и обряды перехода, разветвленную мифологию и обширный фольклор. Щепанская не пишет историю Системы, а пытается на примере хиппи показать, что в современном обществе, так же как и в архаических, символика и обряд служат прежде всего средством социальной регуляции. В приложении – краткий словарь хипповского сленга.

ли когда-нибудь болели зубы. Отчего и жизни радоваться он, его же словами говоря, научился почти «беспринципно».

Издательство «Вагриус» выпустило в свет всю эту собранную по жесту радость под твердой полосатой обложкой. «Сладкая жизнь» – феллиниевский калейдоскоп примет подвижной географии, частично публиковавшийся в глянце и «толстых» последних лет, – была представлена читающей публике в минувший четверг под крышей нового клуба «Кекс». Книга для дачного, домашнего и всякого чтения соседствовала со вдоль и поперек перечитанным филологическим романом Гениса «Долгатов и окрестности», который впервые за пять изданий вышел в авторской редакции. Без «Темноты и тишины», без иных привычных доверков «сборочной» автора, но – с «Каботажным плаванием» самоинтерпретации в качестве послесловия.

Оба томика эстетически противостояли атмосфере террора. Генис признался, что рядом с его домом в Нью-Йорке стоит танк (эхо событий 11 сентября), и вот, чтобы выжить с сознанием неизбежности этого танка, надо во что-то верить. Хотя бы в то, что земляника за щекой висящего над пропастью бедолаги – самая вкусная ягода на свете.

Было много диалогов и отдельных реплик со стороны рассевшихся в тени Василия Аксенова, Александра Кабакова и Александра Жолковского. Звучало красноречие афоризмов вроде: эссеистика – полковник среди литератур (Кабаков); толстый журнал – литература, живущая на Вернисаже (Аксенов). Спорили. О значении

Александр Генис уже без каски и книжки подписывает без ошибок!

Фото автора

«шепота с неба» (радио), которым Генис промышляет беспребойно уже 20 лет. На «Свободе» каждый вторник в эфир выходит его программа «Американский час с Александром Генисом». Разумеется, шутили.

Так, виновник встречи рассказывал о трудностях Олимпиады – не знал, за кого болеть. Ибо точное количество его родни под счетом не поддается.

«Вагриус» обещал нового Гениса что называется беспре-

бойно. Как напишет – сразу в печать. А пока – обо всем интересном в мире действительно говорите интересно. А кто умеет – тот просто шарлатан!

Юлия Качалкина

«Самая загадочная личность в истории...»

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Сергей Герасимов, кинорежиссер

Посмотрев фильм Шукшина «Печки-лавочки», ловишь себя на мысли: вот появляется фильм, демонстрирующий мощь живого искусства, фильм-открытие... Эта картина, на мой взгляд, – классический пример авторского кинематографа. Это работа необыкновенно точная и по литературе, и по режиссуре, и по актерскому мастерству. И львиная доля успеха в том, что героя играет сам Шукшин.

Григорий Чухрай, кинорежиссер

В фильме «Ваш сын и брат» некоторые критики обнаружили противопоставление деревни городу, простого народа – интеллигенции. Это несправедливо. Люди, над которыми смеется Шукшин, не интелли-

генты. Это «неинтеллектуальные», люди, утратившие свои национальные традиции, заменившие их фразеологией «культурного человека», за которой лежит пустота. Такие люди часто уверены в своем превосходстве над простым человеком. Шукшин смеется над ними, но при этом знает, что такие люди не только смешны, но и опасны.

Сергей Юткевич, кинорежиссер

Фильм «Странные люди» Василия Шукшина – исключительно интересное явление со всех точек зрения. Не говорю уже о том, что это талантливо, но, по существу, лицо сегодняшней деревни я узнал, посмотрев «Странных людей».

Алексей Каплер, киносценарист

Роль Егора в «Калине красной» невероятно сложна. Чего

только не намешано в этом человеке – какое причудливое сочетание зла и добра, вранья, шутливости и душевной муки, лихости и отчаяния, любви и балагурства... А сквозь все – и приговор себе, и мучительные поиски пути возвращения к жизни, поиски смысла ее, радости ее. И все это сыграл Шукшин. Все состоялось. Все. Может быть, от того, что он всегда работал скромно, без шума, без расчета на сенсацию, мы как-то не представляли себе, как велик его художественный труд...

Леонид Куравлев, актер

Слава Богу, что судьба свела меня с Василием Макаровичем Шукшиным. Я страшно завидовал его увлеченности, высочайшей способности к творчеству... Для меня Шукшин – духовный отец, который дал мне очень и очень много. Много

снимался, но превыше Шукшина никого не было. Большое ему спасибо!

Алексей Ванин, актер

Я верил в Василия Макаровича, как в какую-то силу, в трудные минуты мне было достаточно подумать, что есть Шукшин... Как-то в разговоре он сказал: «Я жизнь разделил на три раунда – по 20 лет. Два из них я уже проиграл. И только третий начинаю выигрывать». Только последние пять лет его удовлетворяли...

Павел Чекалов, композитор

Каждая встреча с Шукшиным была для меня праздником. Он был для меня своеобразным учителем, оказав огромное влияние на мое творчество. Он был необыкновенно музыкален, чувствовал так народную музыку, как никто.

на презентацию, а там речь о псевдонимах. Борис Цейтлин (здесь и далее фамилии подлинные) рассказывает, как однажды пришли они с приятелем, автором презентуемой книги, в одно издательство и приятель назвался: «Пронилов». – Это псевдоним? – осведомилась секретарша.

– Девушка, если это – псевдоним, то какой должна быть моя фамилия?

«Фаланстер» и ласты

Годовщина радикального проекта

В воскресенье, 26 сентября, книжный магазин «Фаланстер» справил свое двухлетие. Мало званых, зато много избранных. Общались непринужденно, с каждой новой стопкой озаряясь все ярче.

Был Лимонов, традиционно в черном и с усиками Дон-Кихота, потягивавший полусладкое, ибо водка, по его мнению, скоро станет немодным нонсенсом, как шкуры, лапти или лас-

локом стал». Такими словами Эдуард Прониловер повествует о своем персональном и социальном биоценозе в сборнике «Избранное» (М.: Издательское сотрудничество А.Богатых и Э.Ракитской Э.РА, 2004). Необычность презентации заключалась в отсутствии автора. Тот факт, что автор жив (он теперь в Лос-Анджелесе), что от публики его отделяет не временная, а прост-

никова говорила о ностальгии нынешнего материально не очень процветающего лос-анджелесского «рыбчеловека» по московским кухням. На что она успокаивает тоскующего, что тех кухонь давно уже нет (остались только сковородки).

О своих эпизодах тесного общения с Эдуардом Прониловером рассказали Елена Гаврилова и Илья Блувштейн, которому посвящено одно из сти-

Ном. Миллионный тираж полотно потонул в Енисее, но драгоценно сохранившийся экземпляр теперь украсит стену магазина-именинника.

В разгар бала, только-только с авиакорабля, явился главарь заведения Борис Куприянов с красивой женой Ольгой (у них за плечами остались Балканы). И всему действу из заветного угла тайным судией внимал вдохновитель проекта Алексей

Арбатский университет

Открылась библиотека А.Ф. Лосева, она же – интеллектуальный музей

На Арбате, 33, в бывшей квартире философа Алексея Лосева, открылась Библиотека истории русской философии и культуры.

В этом доме Алексей Федорович Лосев – последний из великих мыслителей Серебряного века – прожил вторую половину жизни. Он поселился здесь после того, как в самом начале войны под бомбежкой погиб вместе с книгами и рукописями его предыдущий дом, тоже на Арбате. Еще при жизни хозяина дом стал «арбатским университетом», одним из центров московской интеллектуальной жизни.

Слова «музей» в названии нет, но, по существу, это настоящий музей, хотя особенный – интеллектуальный. И в витринах выставлены не вещи, а книги.

Библиотека создана на основе огромного книжного собрания Лосева, и тематическое ее устройство в точности следует контурам интересов арбатского мыслителя. Центр всего – философия и богословие. Окрестности – история, языковедение, психология, искусство, литература... Вообще-то хозяин дома занимался много чем – от астрономии до музыки и математики. Здесь будут проходить конференции, семинары, презентации книг по всем дисциплинам, которые входили в сферу его интересов.

«Сотвори благо и брось его в море» – то есть забудь, – иронически процитировала древнегреческую поговорку Аза Алибековна Тахо-Годи, вдова А.Ф. Лосева, хранительница его на-

следия, усилиями которой библиотека была сохранена как собрание и создана как научный центр. Открытия дома Аза Алибековна и ее племянница, Елена Аркадьевна Тахо-Годи, добывались больше десяти лет: на дом было много претендентов, не имеющих отношения ни к Лосеву, ни к философии.

Сейчас в фонде, по словам главного хранителя В.Б. Кудрина, – 10 тысяч томов, принадлежавших самому Лосеву, и тысяч пять-семь, собранных уже после его смерти. На страницах некоторых книг до сих пор – песок: их извлекли в 1941-м из воронки от бомбы, погубившей первый арбатский дом философа. Среди них – «Кабинет любомудрия» 1782 года, собрание изречений, по которому в семье Лосева и по

жим-кружим по России, / по Бульварному кольцу». И ментально они навсегда обречены именно на этот круг.

Рассказывал о своей дружбе с Прониловером писатель Лев Яковлев (он вел презентацию). Под конец с острой социальной песней под гитару выступила пришедшая уже в завершение официальной части презентации бард Елена Дунская.

Александр Люсий

Цветков, ясный оком и незамутненным разумом.

Достойны почтительного упоминания и другие: музыкальный спец Смирнов, философ Лапшин, детская писательница Воробей, политик Будрайтский, левый по мысли и правый по поведению, захвативший на вечер двух прелестных барышень, с одной из которых автор этих строк растворился в ночи.

Сергей Шаргунов

сей день гадают в важных жизненных ситуациях. Перед нынешним событием, рассказывала Елена Аркадьевна, тоже раскрыли. Выпал раздел «Библиотека, книги», изречение «Нет такой худой книги, которая бы части не принесла пользу».

Библиотека намерена расти, пополняясь литературой родственной Лосеву тематики. От населения книги тоже принимают. Записывают всех желающих. Если у вас есть ученая степень, вас пустят на второй этаж, в научный зал, и разрешат пользоваться книгами из лосевского собрания. Правда, не все можно будет взять в руки и там: некоторые издания – такие ветхие и хрупкие, что их могут показать только издала.

Ольга Балла

У НАС

100-ЛЕТИЕ ОСТРОВСКОГО
Сегодня, 30 сентября, в Литературном институте им. А.М. Горького (Тверской бул., 25, м. «Пушкинская») открываются международные научно-литературные чтения «Тайна нашей силы», посвященные 100-летию со дня рождения Н.А. Островского. Чтения продлятся два дня, в них примут участие ученые, писатели, актеры театра и кино, общественные деятели.

30-ЛЕТИЕ РЫЖЕГО
7 октября в 19.00 в Центральном доме журналиста журнал «Знамя» проводит вечер, посвященный выдающемуся поэту, лауреату Антибукера-99, «Северной Пальмиры» (посмертно), екатеринбуржцу Борису Рыжему (1974-2001), «На вас меня посмотрят сквозь». Участвуют: Сергей Чупринин, главный редактор журнала «Знамя», поэты Александр Кушнер, Евгений Рейн, Дмит-

рий Сухарев, Сергей Гандлевский, Александр Ерёмченко, Олег Дозморов, вдова поэта Бориса Рыжего – Ирина Князева, зав. отделом поэзии журнала «Знамя» Ольга Ермолаева. Поют: Сергей Никитин, Андрей Крамаренко, Григорий Данский, Владимир Розанов.

190-ЛЕТИЕ ЛЕРМОНТОВА
14 октября 2004 года в 16 часов в выставочных залах Государственного литературного музея в Доме И.С. Остроухова (Трубниковский пер., 17, м. «Баррикадная», «Смоленская», «Арбатская») откроется выставка «Михаил Юрьевич Лермонтов», приуроченная к 190-

летию со дня рождения поэта. Выставка готовится совместно с Государственным Лермонтовским музеем-заповедником «Тарханы». Выставка будет работать до 15 января.

КЛУБНАЯ ЖИЗНЬ
5 октября в 19.00 в литературном кафе книжного магазина «Букбери» (Никитский бул., 17, м. «Арбатская») издательство «Запасный выход» представляет книги «Четырежды Чехов» и «Весь Гаврилов». Вечере принимают участие писатели Андрей Битов, Александр Чудаков, Анатолий Гаврилов и составитель серии Игорь Клек.

НГ-ЕЛ

Ф. СП-1		Федеральное управление почтовой связи при Министерстве связи РФ									
АБОНЕМЕНТ на газету		39531 (индекс издания)									
"Независимая газета"		Количество комплектов									
на 2005 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда (почтовый индекс)		(адрес)									
Кому (фамилия, инициалы)											
ДОСТАВочная КАРТОЧКА на газету		39531 (индекс издания)									
"Независимая газета"		Количество комплектов									
Стоимость	по каталогу	руб.	коп.	Количество комплектов							
	за доставку	руб.	коп.								
на 2005 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда (почтовый индекс)		(адрес)									
Кому (фамилия, инициалы)											

До 30.09.04 действуют специальные цены НА подписку НА "Независимую газету" НА первое полугодие 2005 года по индексу 39531

Спасибо, что вы нас читаете!

30.09.04
Иркутск